

У рабства не женское лицо. Все мы зависим от воли ближестоящего — начальника, деспотичного родственника, провидения наконец. Роли актёров распределяются неизбежно, как при делении клеток, кристаллизации льда. Деньги, власть и секс правят миром. Невидимая борьба заложена эволюцией, скрывается в каждом акте подчинения. Мы повинемся, но и подчиняем. Мы жертвуем собой ради великой цели, объединяющей умы человечества в иерархию подчинения. Мы — муравьи, живущие ради мура-порядка, пользующиеся благами муравейника. Мы патриции во власти тирана, плебеи и рабы во власти обстоятельств.

###

Во время заточения в Храме Семи Ключей я на личном опыте испытал перемену ролей в иерархии подчинения. Меня заперли в крошечном подвальном бункере. Решётка на круглом потолочном окне и кормушка в железной двери — вот всё, что связывало меня с внешним миром. Днём я разгуливал по камере, сложив руки за спину, как Владимир Ильич Ленин, сходил с ума от отчаяния, безутешного одиночества. Познер тонко чувствовал парадигму момента, передавал мне книги по развитию личности. Иногда я открывал их на случайной странице, почитывал бесполезные советы миллионеров из Беверли Хиллз. Умные люди желают добра: «Покиньте зону комфорта», — кричат они в каждой строчке. «Вы должны расценивать поражение как личную победу», — талдычат день ото дня. Я смирялся с выигрышной ситуацией, принимал рабство за победу над собой. Меня хорошо кормили, даже слишком. Пятиразовое питание, личный шеф-повар, шкаф, забитый едой, холодильник, соки, вода — я жил в маленьком продуктовом магазине, кормушка ломилась от ресторанных яств.

Через два месяца обжорства Рыженков прислал мне велотренажёр, чтобы я «держал пенис в тонусе».

— *Penis sana in corpore sano*, — ворковал Познер, заглядывая в келью через квадратную дырку в двери.

Я поливал себя из шланга холодной водой. Сидя в бачке на корточках, обдавал себя ледяным Заполярьем. Член вялой колбасой мутил мыльную воду.

Ежедневные тренировки с обильным потоотделением обеспокоили моих хозяев:

— С сегодняшнего дня замыкай тренажёр по чётным дням, — приказал Дырko охраннику. — А то он совсем себя изведёт.

И я начал отжиматься, приседать, прыгать по чётным дням, проезжать Тур де Касл по нечётным. Я использовал кровать и тумбочку для физических упражнений, шкаф и рукомойник для растяжки. Охранник хмыкал, заглядывая в глазок камеры. Они работали посменно, Рыженковские бойцы. Нам не о чем было разговаривать, в одной пяди мозгов не утаишь. В их сытых безропотных взглядах я читал страх и раболепие. Зомби-солдаты выполняли миссию, охраняли Касту изнутри, следили, чтобы границы Ключ не ломился пополам.

Но каждый раз с наступлением темноты они выводили меня на вечернюю дойку, становились частью бирюзовой системы, возникшей в змеиных яйцах.

###

Зелёное варево зрачков застывает под взмахами махаонов. Рыжая — такая же огненная, как предыдущая, — не отрываясь следит за мной зелёнками сквозь дырку в кормушке. Ей нельзя входить, подходить, пока моё тело не будет полностью обездвижено. Я — доктор Лектор в её глазах, коварный пожиратель женских сердец, искуситель. Накинусь на неё и изнасилую в самой жесткой извращённой форме, как только система даст сбой. Если.

Если охранники ошибутся и забудут связать мне руки или ноги, не достаточно сильно затянут кожаные ремешки на затылке. Ведь я ещё и кусаюсь. Железная маска, как у Лектора, тому подтверждение. Дырко хорошо поработал с пышнотелой девственницей, её целомудренный затраханый мозг промыт до костей. Теперь она боится даже смотреть на меня, не то, что опускать взгляд на член. Знать, что змея выплеснет голубой яд, заражающий похотью, и выполнять омовение — не каждый согласится рисковать жизнью. Рыжая играет с огнём, заходит в клетку последней, когда я уже стою привязанный к распятию десятками ремней. Два Рыженковских молодчика, посмеиваясь, покидают камеру, оставляют нас наедине. Теперь девушка подготовит меня к вечернему доению.

Зеленоглазая ведьма колышет пробитыми сиськами, вальсирует на цыпочках по келье, дребезжа погремушками в пупке и клиторе. Круглый упругий зад разъезжается двумя рыхлыми полушариями, светит зашитыми дольками девственной писи.

Рыжая склоняется над краской.

— Стойте смирно, — шепчет она, избегая смотреть мне в глаза. Руками она исследует жирную мошонку, натягивает три слоя гигантских презервативов на член. Они под корень скрывают змею, оставляя длинный хвост желтоватого латекса гольфом висеть на конце.

Я могу лишь гудеть в ответ, таращиться на девственницу, заливаясь возбуждением. Она густо наносит охру на тело, быстро орудует кистью, рисуя ужасную картину: тасманский дьявол с подрагивающей палкой между ног пойман для забора спермы. Теперь я такой же ярко рыжий, как Весталка, только кожей, а не волосами.

Железный каркас, в котором я полустою, катят по катакомбам замка. Весталка бежит впереди. Её огненная шевелюра развеивается до задницы, листьями осени скользит по спине. Как сгустки лавы, слоями расплескавшиеся по склонам вулкана, волосы наложницы блестят шёлком, переливаются огромными птичьими перьями.

Дырко во всеоружии встречает меня взмахом Посоха с конской залупой:

— Да пребудет с нами сила! — ревёт он во всё горло, доводя верхние модуляции до надрывного экстаза. Затем вскидывает золотой клюв маски к стеклянному потолку.

Два десятка обнажённых девиц падают ниц, стелются веером на мраморном полу.

Охранники тем временем катят меня по кругу для устрашения. Хорал монахов тревожными переливами льётся из темноты под колоннадами. Веня любит шоу, любит нагнать тоски на рабынь-неофиток. Вынос мозга на блюдечке — его фишка, требует сноровки. Подчинение без веры — целковые на ветер. Ложь гармонично ложится голубой каёмочкой на свежие умы. Их согнали сюда, чтобы уверовать в священного бычка.

Железный каркас, в котором я мухой трепыхаюсь на ремнях, кладут на стеклянный круглый стол с дыркой, член с мошонкой проваливается в отверстие. Рыжая с опаской стягивает гольф презервативов, вставляет залупу в горлышко огромной стеклянной бутылки, надёжно закреплённой под столом на салазках. Бутыль к тому же наклонена так, чтобы я не кончил мимо кассы.

Начинается доение.

Рыжая следит за напряжением члена, регулирует высоту спермоприёмника, глубину погружения. Её задача проста: не упустить сброс. Наложницы парами поднимаются на сцену, залезают под стол, гоняют кожу по залитому свинцом стволу.

Я застываю в тридцать семь, расти дальше некуда. Бивень, намертво вросший в лобок, рылом упёрся в бутылку. Девушки смазывают руки гелем, качественное доение требует качественных фрикций. Тихие чмок-чвяк разносятся из-под стола. Я лежу расслабленно, закрыв глаза, чтобы не думать о жёсткой дробке. Они берутся за яйца. Наложницы губами втягивают непомерно большие распухшие в кулак яйца, которые двумя жирными железами вобрали в себя энергию дня. Горячие ротики массируют яйца, разглаживают упругие железы под тонкой кожей, бирюзовое молоко желатином скользит в околоплодных водах. Чтобы качественно разрядить священного быка потребуется время. Они никуда не спешат, наложницы. Сменяют друг друга, работают парами. Пока одна держит яйца, греет их ртом, другая растирает округлую, залитую камнем мышцу под яйцами, третья двумя руками гоняет чавкающий лубрикант по стволу. Они работают слаженно, особенно та, что дробит. Она голой задницей сидит на полу, бёдрами обхватив салазки с бутылкой — так легче применять девичью силу. Я лежу на животе, перевёрнутый лицом вниз, свешиваюсь фактически над столом, как морская звезда, застрявшая в железной клетке. Мне не важно, как меня выдаивают, как быстро руки скользят по члену. Важно видеть глаза наложницы в этот момент — сосредоточенные, дерзкие. Губки приоткрыты, напряжение на раскрасневшемся лице нарастает. Девушка сдувает прядь волос, бросает на меня короткий любопытный взгляд: «Ну скоро там?» Не могу знать, оргазм повис в воздухе, застрял где-то под яйцами в туго затянутом каменном узелке. Пружина не хочет расслабляться, играть, она сдавила пах изнутри. Удовольствие по крупичкам собирается со всего тела, скапливается в десяти сантиметрах члена под самой головкой.

Молоденькая белокурая наложница старательно натирает остатки воли, поднимает на меня невинный взгляд. В ней восемнадцать с хвостиком лет стыда. Дырчо бьёт по зелени, отрывает первокурсниц от учёбы.

— Для прохождения практики, — хохочет Мюллер, самолично тестируя свежий продукт. Их согнали в синагогу Семи Ключей для услад. Доильный цех в полном боекомплекте выстраивается перед священным животным. Все хотят лицезреть взрыв, приложить к этому руку.

Я дёргаюсь со стоном, жмурюсь до рези в мочевом канале. Мышца под яйцами онемела, покалывает кровотоком. Бирюза мощными струями выплёскивается в бутылку. Абитуриентка, сдающая экзамен, знает толк в дробке: ускоряется на десяточку с плюсом. Мельтешащая рука срывает новые спазмы, стоны. Я агонизирую, удовольствие не покидает меня. Я во власти оргазма, контролируемого извне, я — раб её рук. Они решают, когда мне кончать, пичкают меня деликатесами так, что железы пухнут.

Богатый урожай бирюзы наполняет дно бутылки, но ещё не вечер. Через полчаса мы продолжим, и ещё через час, и ещё...

Непрерывный поток сокращений, поначалу ритмичных и быстрых, постепенно спадает. Последние вздрагивания икотой выталкивают сгустки спермы, которые и по консистенции не такие яркие, как основной материал. Я высушен до зуда в яйцах. Тестикулы мерно гудят, как пчелиный улей, змея тряпкой опадает. Её аккуратно стряхивают в горлышко бутылки. Девушки моют руки после еды.

###

Меня доили трижды в день, давали время подумать. Да, не возражаю, нет, не возражаю. Дырko оставлял подчинённых реализовывать безумный план по сбору бирюзы. Ласки члена продолжались и в перерывах, девушки знали толк в соблазнении, переодевались для игр с золотым бычком — так они называли моё затраханное задроченное тело, висящее в тренажёре для сексуальных пыток. Я не сопротивлялся, не мог заставить змею лежать. Она жила отдельной жизнью, задиралась на короткие обтягивающие юбки, чулки с резинками, ажурное бельё. Реагировала на притирания. Эротические танцы наложниц сопровождалась стриптизом. Готовность змеи запускала процесс доения. Меня вновь опускали яйцами под стол, затыкали залупу в бутылку. Так они и работали посменно: задрочивая меня раз за разом всем скопом. Обессилившее измазанное охрой тело увозили в полуобморочном состоянии назад в келью. Рыжая поливала ледяной водой из шланга, та текла грязной охрой по бетонному полу, стекала в канализацию. Взмыленные затёртые половые органы гудели всю ночь. Под утро я валился с ног, чтобы продолжить спортивные упражнения, подготовку к вечернему старту.

Я становился машиной по переработке еды в сперму. Дикий голод выгонял к холодильнику уже через час после дойки. Иногда мне хотелось покончить с такой судьбой, одним махом распотрошить вены продольным вспарыванием. Но я держался, верил, что физическая эксплуатация не вечна, что держаться нужно умом, а не телом. Однажды организм даст сбой, думал я, вызовет череду перемен в иерархии Секты, и тогда, возможно, быть может, они сжалятся, спишут меня на склад, размагнитят память, отправив в психушку к таким же вывернутым наизнанку загнанным в пену задротам.

###

Женские стенания эхом разносятся под купольным сводом Храма Семи Ключей. Тигриная Клетка, притянутая к стеклянному потолку, покачивается от гнёта печали, царящей внутри.

— В те дни, когда не было царя у Израиля, жил один левит на склоне горы Ефремовой, — Вениамин Дырko в золотой маске ворона, чёрной рясе, шляпе читает проповедь, стоя за кафедрой. Делает паузу, оглядывая зал, устланный голыми телами. Продолжает:

— Он взял себе наложницу из Вифлеема Иудейского. Наложница его поссорилась с ним и ушла от него в дом отца своего в Вифлеем Иудейский и была там четыре месяца.

Дырko отрывается на секунду от Ветхого Завета, взятого за основу «Книги Семи Ключей», ведёт золотым носом по залу.

— Муж ее встал и пошел за нею, чтобы поговорить к сердцу ее и возвратить ее к себе. Отец этой молодой женщины, увидев его, с радостью встретил его, и удержал его тесть его, отец молодой женщины. И пробыл он у него три дня; они ели и пили и ночевали там, — голос его истошно религиозный. Посох с залупой подрагивает в руке.

— И встал тот человек, чтоб идти, сам он, наложница его и слуга его. И пошли, и шли, и закатилось солнце подле Гивы Вениаминовой.

Веня совсем рехнулся, в последнее время приступы шизофрении участились. Он слышит голоса, видит духов, выискивает в Библии скрытый смысл.

Пока он читает безумным речитативом, нараспев, как в семинарии, альфа-самки бьются в Клетке, тянут руки к лобному месту, где доильщицы громкими чавк-чавк надрачивают золотого бычка, то есть меня, предвещая Исход в Землю обетованную.

— И повернули они туда, чтобы пойти ночевать в Гиве. И вот, идет один старик с работы

своей с поля вечером. И сказал старик: куда идешь? и откуда ты пришел? Он сказал ему: мы идем из Вифлеема Иудейского к горе Ефремовой.

Изредка я поднимаю голову, чтобы взглянуть на предводителя дворянства. Представляю, как светится его безумный взгляд под маской. Другие Ключники не вмешиваются в дела духовные, потворствуют маниакальной деградации первосвященника.

— Старик ввел его в дом свой и дал корму ослам. Тогда как они развеселили сердца свои, вот, жители города, люди развратные, окружили дом, стучались в двери и говорили старику, хозяину дома: выведи человека, вошедшего в дом твой, мы познаем его.

Познания рекой льются из рога изобилия, второй эшелон наложниц сутками батрачит в поле за нектар. Познались все: наложницы, рабы, клиентура, Ключники, дистрибьюторши, охранники. Только Веня хранит обет импотента, жжёт на паперти:

— Хозяин дома вышел к ним и сказал им: нет, братья мои, не делайте зла, когда человек сей вошел в дом мой, не делайте этого безумия; вот у меня дочь девица, и у него наложница, выведу я их, смирите их и делайте с ними, что вам угодно; а с человеком сим не делайте этого безумия. Но они не хотели слушать его. Тогда муж взял свою наложницу и вывел к ним на улицу. Они познали ее, и ругались над нею всю ночь до утра. И отпустили ее при появлении зари. И пришла женщина пред появлением зари, и упала у дверей дома того человека, у которого был господин ее, и лежала до света.

Так и альфы знаются с клиентурой всю ночь. Злата Бабиц, Настя Вэнди, Юля Блонди, Вика Спорти, Изольда Рыжуха, Наташа Монро, Линда Татуха — падут без замков от зари до зари. Клиент дерёт их группами, без зазора совести ругается над наложницами-станочницами. Бирюза вяжет крепко, мужчины не ревнуют, не комплексуют, показушничают друг перед другом. Они собираются регулярно, чтобы обслужить королеву, оплодотворить её во все дырки. Златокудрая Наташа с тремя служащими в офисе — лишь цветочки. Познер как-то приносил dvd-плеер, показывал кино на жидкокристаллическом экранчике:

— Пользы от тебя, как от козла молока, — хихикал старый пердун, пока я пялился на оргии пчеломаток.

Десять мужиков сношают рыжую Изольду у бассейна. Она вцепилась в шезлонг двумя руками, застыв в коленно-локтевой позе, превратившись в три дырки. Карусель перевозбуждённых самцов сменяет друг друга, вертит девушку на ура, подстраиваясь под общий ритм. Она легко даёт в анус, кажется, маленькая попа вот-вот треснет по шву, но нет — очередной вздыбленный хер влетает по яйца, перевязанные резинкой для проформы, хлопает бирюзовой смазкой, незаметно нанесённой перед соитием.

Отстрелявшись, мужчины вылизывают рыжуху, не стесняясь чужого семени, ведь оно мешается с бирюзой. Изольда порядком потрёпана, но счастливо улыбается. Она тоже в наркотической эйфории. Копна мелко вьющихся волос сбилась в клокья, спермой заляпаны попа, живот, бёдра, губы и подбородок — мужчины не отпускают рыжую, спускают ещё по два-три раза. В конце она едва держится на ногах, они тоже, вылизывают её, стоя на коленях, языком выискивая остатки бирюзы в сгустках собственных излияний.

И вот альфы скулят в Тигровой Клетке, просят бирюзовой добавки, которая слоями пудинга стелется по дну бутылки.

Веня Дырко орёт навзрыд на весь зал:

— Господин ее встал поутру, отворил двери дома и вышел, чтоб идти в путь свой: и вот,

наложница его лежит у дверей дома, и руки ее на пороге. Он сказал ей: вставай, пойдём. Но ответа не было. Он положил ее на осла, встал и пошел в свое место. Придя в дом свой, взял нож и, взяв наложницу свою, разрезал ее по членам ее на двенадцать частей и послал во все пределы Израилевы.

Вот что светит, если не встанешь, не познаешь новых усад в компании наркозависимых мужчин, которые пачками слетаются в сауны и коттеджи — специально отведённые для поклонений места.

Мозгоправ Мюллер лично заведует финансами, следит, чтобы клиентура не отлынивала, не привлекала внимание жён и партнёров по бизнесу чрезмерными затратами на тайные развлечения.

Беты тоже не скучают, вджобывают с утра до вечера за бирюзовое причастие, верят, что Хозяин так хочет. Рабское мышление наркозависимой наложницы устроено таким образом, что любая ложь вызывает чувство вины, личное участие. Соучастие. Они не подвергают сомнению слова Ключников, хоть и привязаны к Хозяину. Так бояре дрючат холопов, пока царь спит, так учителя перевирают слова директора ради личной выгоды. Так школьники подчиняются авторитету ближестоящего начальника, потому что не представляют мура-порядок иначе.